

Н. А. КАЗАКОВА

ВОПРОС О ПРИЧИНАХ ОСУЖДЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

(Окончание) *

Обвинения, предъявлявшиеся согласно судному списку Максиму Греку на соборах, можно разбить на четыре группы: обвинения политические, уголовные, религиозно-догматические и обвинения в критике вотчинных прав и стяжательской деятельности церкви.

Политические вины Максима состояли: 1) в осуждении постановления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха, 2) в отрицательном отношении к восточной политике русского правительства и изменнических сношениях с Турцией, 3) в резких отзывах о великом князе.

Обвинение Максима в осуждении поставления митрополитов на Москве в судном списке встречается дважды и оба раза в отрывке о соборе 1531 г. среди вин, уже разбиравшихся собором 1525 г. Первый раз оно упоминается в обвинительной речи митрополита и второй — в передопросе Досифея. В записи передопроса Досифея сохранилась не только формулировка обвинения, но и ответ Максима Грека. Поэтому для анализа рассматриваемого обвинения используем соответствующий пункт передопроса Досифея.

Досифей спросил Максима: «Говорил еси многим людем, что здесь на Москве митрополит поставляется своими епископы русскими без благословения патриарха цареградскаго, а все то за гордость не приемлют патриаршескаго благословения, ставятся собою самочинно и безчинно?» На вопрос Досифея Максим отвечал, что он пытался узнать, почему русские митрополиты не ставятся у константинопольского патриарха, и ему сказали, что патриарх дал грамоту, разрешающую митрополитам ставиться по выбору русских епископов, но что он этой грамоты не видел. «Юли здесь у них грамоты нет патриарха цареградскаго,— продолжал свой ответ Максим,— и они в гордости не ставятца по прежнему и по старому уставу и обычаю, от патриарха цареградскаго, то есть мне тем плачем Иеримиином, егда плакашеса на реце Вавилонстей, плакавшеса ни покаяния имеша, ни прощения грехов получиша»¹. Таким образом, Максим Грек полностью подтвердил свое отношение к поставлению митрополитов на Руси как к нарушению канонических правил, достойному осуждению.

Следовательно, обвинение Максима в осуждении нового порядка поставления русских митрополитов соответствует действительности. Достоверным следует признать и имеющееся в судном списке приурочение его к собору 1525 г.: повод к резким высказываниям Максима могло дать происшедшее на его глазах в 1523 г. в нарушение канонических правил

* Начало см.: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126.

¹ ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 13.

поставление в митрополиты Даниила. Поэтому естественно, что рассматриваемое обвинение должно было разбираться именно на соборе 1525 г.

Вопрос о порядке поставления русских митрополитов был вопросом не только церковным, но и политическим. После Флорентийской унии, признать которую отказались русская церковь и великокняжеская власть, русские митрополиты стали поставляться собором русских епископов в Москве без санкции константинопольского патриарха. Окончательно новый порядок поставления утвердился во второй половине XV в., после завоевания Константинополя турками. Для оправдания этого порядка, являвшегося нарушением канонических правил, была создана теория о том, что греческое православие вследствие подчинения греческой церкви неверным «изрушилось», потеряло свою чистоту. Эта теория выражена, в частности, в формуле, которая в 1475 г. в связи с поставлением в Константинополе на литовскую кафедру Спиридону Сатаны была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых русских архиереев: «а к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатана, взыскавшему поставления во области безбожных турок от поганого царя или кто будет иной митрополит, поставлен от латыни или от турскаго области, не приступати мне к нему»² Здесь поставление от патриарха, находящегося под властью «безбожных» турок, приравнивается к поставлению от латинян и тем самым объявляется недопустимым. В действительности за отрицанием права константинопольского патриарха на поставление скрывалось стремление русской церкви к установлению автокефальности. Это стремление было порождено процессом создания Русского централизованного государства. Оно являлось одной из сторон этого процесса и поэтому поддерживалось великокняжеской властью.

Взгляды Максима Грека на поставление русских митрополитов противоречили, таким образом, национальным устремлениям русской церкви и политике великокняжеского правительства. Теоретические основы, из которых исходил при этом Максим Грек, изложены в его произведении, написанном в связи с занятием Давидом митрополичьей кафедры³. Оно называется «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примяти поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от царградского патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленнаго от них не примати». В «Сказании» Максим Грек полемизирует с той формулировкой теории «изрушения» греческого православия, которая была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых архиереев. Он высказывает мысль, что если отказ от поставления римским папой является правильным (папа отпал от «лика православных архиереев»), то этого нельзя сказать об отказе принимать поставление от константинопольского патриарха: тот факт, что в Константинополе утвердились нечестивые цари, не означает еще нарушения чистоты православия; в связи с этим Максим напоминает, что в первые триста лет своего существования до Константина Великого церковь также находилась под властью нечестивых царей, но не осквернялась, а сияла среди нечестия, как солнце, и ни один народ не отпадал от нее⁴. Идейный стержень «Сказания» составляло представление о неоскверняемости чистоты церкви фактом подчинения ее неверным.

Это представление находилось, как нам кажется, в связи с глубокой преданностью Максима его родине. Попад в Россию и оставшись в ней по воле судьбы навсегда, став участником борьбы, происходившей в русском

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 695.

³ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVII века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 27.

⁴ Сочинения Максима Грека, т. II. Казань, 1897, стр. 126.

обществе, Максим тем не менее никогда не забывал, что он грек. «Грек бо аз и в Гречестей земли и родився и воспитан и постригся в иноки»⁵, — писал он много лет спустя после приезда в Россию. Горячая любовь Максима Грека к родине, его никогда не остывавшее греческое самосознание и порождали в нем глубокое убеждение в чистоте греческого православия, а следовательно, и в неправильности позиции русской церкви по отношению к константинопольскому патриарху.

Но какие побуждения заставляли Максима Грека высказывать не только устно, но и письменно свои взгляды на этот весьма щекотливый в условиях Москвы вопрос? Поступал ли он так по личной инициативе или же действовал по заданию константинопольского патриарха, эмиссаром которого он был в России, как это думает И. Денисов?⁶

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить обстоятельства отъезда на Русь Максима Грека, которые, к счастью, детально освещены в сохранившихся документах того времени.

В марте 1515 г. из Москвы было отправлено в Турцию к султану Селиму I посольство во главе с боярином Василием Коробовым. В составе посольства находились и два посланца великого князя на Афон — Василий Копылов и Иван Варавин, везшие «милостыню» афонским монастырям, а также грамоту великого князя проту Афонской горы с просьбой отпустить в Москву для переводов богослужебных книг монаха Ватопедского монастыря Савву⁷. По приезде в Турцию Варавин был задержан в Константинополе, а Копылову было разрешено отправиться на Афон лишь 23 марта 1516 г. (перед «великим днем») ⁸. На Афоне выяснилось, что старец Савва из-за старости и болезней не может отправиться в долгий путь, и афонские власти избрали тогда для поездки в Россию другого монаха того же Ватопедского монастыря, Максима Грека, «искусна суца и пригожа к толкованию и проведению всяких книг церковных и глаголемых еленских, понеж от юноския младости в сих возрасте учениях»⁹. Те же самые сведения об обстоятельствах выбора Максима для поездки в Россию сообщает и грамота Анфимия, игумена Ватопедского монастыря, митрополиту Варлааму¹⁰. В июле 1516 г. Копылов с Максимом Греком и его двумя помощниками был уже в Константинополе, где патриарх Феодит присоединил к посольству Копылова двух своих представителей — Григория, митрополита Зихновского, и священнодьякона Дионисия, отправляемых в Москву за «милостыней»¹¹. В Константинополе по неизвестным причинам посольство было задержано, и Копылов со своими греческими спутниками прибыл в Крым лишь весной 1517 г.¹², где имела местная задержка. В Москве греки появились в марте 1518 г. Таков краткий перечень известий источников об обстоятельствах приезда Максима Грека с Афона на Русь.

Представляется совершенно очевидным, что выбор Максима Грека для

⁵ «Исповедание православной веры». Сочинения Максима Грека, т. I. Казань, 1895, стр. 30.

⁶ См. начало статьи: ВВ, XXVIII, стр. 110.

⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. — Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, стр. 105—106; Временник московского общества истории и древностей российских, кн. 5. М., 1805, стр. 31—32.

⁸ Сб. РИО, т. 95, стр. 369—370.

⁹ Грамота властей Ватопедского монастыря Василию III. — Временник московского общества..., стр. 32—33.

¹⁰ АИ, т. I. СПб., 1841, № 122, стр. 175—176.

¹¹ Послание патриарха Феодита митрополиту Варлааму. — Там же, № 121, стр. 175. В грамоте Феодита говорится лишь о посылке Григория и Дионисия, а Копылов со своими спутниками не упоминается. Но поскольку в Москву посланцы патриарха прибыли вместе с Максимом Греком и его товарищами (см., напр., ПСРЛ, VI, стр. 260—261), постольку очевидно, что патриарх присоединил своих представителей к посольству Копылова.

¹² Сб. РИО, т. 95, стр. 441.

поездки на Русь был не только делом рук афонских властей, но и результатом случайности: благодаря болезни старца Саввы афонские власти были вынуждены найти ему заместителя. Патриархат никакого отношения к выбору Максима не имел.

И. Денисов также отмечает, что в источниках нет никаких прямых указаний на связь между Максимом Греком и византийским патриархом Феопитом¹³. Однако, вопреки своему замечанию, И. Денисов, ссылаясь на имеющиеся в литературных памятниках известия о посылке Максима в Россию по выбору патриарха (или, согласно другому варианту, султана), а также высказывая ряд догадок (о том, что патриарх Феопит в бытность свою митрополитом Янины, расположенной вблизи Арты, родины Максима Грека, мог о нем там слышать; о том, что во время задержки посольства Копылова в Константинополе Феопит мог дать секретное задание Максиму Греку и т. д.), делает категорический вывод, что Максим Грек был эмиссаром константинопольского патриарха и действовал в Москве по его заданию¹⁴.

Хотя в некоторых «Сказаниях» о Максиме Греке действительно имеются сведения о посылке его на Русь по указанию патриарха или султана¹⁵, но в свете только что изложенных абсолютно четких и точных данных документальных источников эти сведения не могут быть признаны достоверными¹⁶. Что касается предположений И. Денисова о возможных связях между Максимом Греком и патриархом Феопитом, то они являются лишь догадками, не подкрепленными никакими фактическими данными.

Отсутствие в источниках сколько-нибудь достоверных известий о частности патриархата к миссии Максима Грека заставляет думать, что высказывания Максима против нового порядка поставления митрополитов на Москве были не результатом выполнения им заданий патриарха, а результатом его личных побуждений, продиктованных его греческим патриотизмом и верой в неоскверняемость православной церкви фактом подчинения ее неверным. На вопрос о том, какое место эти взгляды занимали в общей системе общественно-политических воззрений Максима Грека и свидетельствовали ли они о его враждебности строительству Русского централизованного государства, мы попытаемся ответить ниже.

Обвинения Максима Грека по вопросам внешней политики сформулированы в судебном списке в обвинительной речи митрополита, произнесенной на соборе 1531 г., в перечне вин Максима, рассматривавшихся собором 1525 г. Что отвечал на них Максим, неизвестно, так как в сохранившемся отрывке передопроса Максима Досифеем о «хулах», разбиравшихся собором 1525 г., обвинительные пункты по внешнеполитическим вопросам отсутствуют.

В речи митрополита обвинения сформулированы следующим образом: «И вы с Савою, вместо благих, великому князю злая умышляли, и совешали и посылали грамоты к турецким пашам, и к самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и велика-

¹³ E. Denisoff. *Maxime le Grec et l'occident*. Paris — Louvain, 1943, p. 345.

¹⁴ *Ibid.*, 343—345, 361.

¹⁵ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. VIII, XII—XIII, XVIII—XIX, XXXI—XXXII, XXXIX, XLVIII—XLIX.

¹⁶ О посылке Максима Грека в Россию по указанию константинопольского патриарха сообщает и Герберштейн (С. Герберштейн. Записки о московитских делах СПб., 1908, стр. 65). Поводом к возникновению версии «Сказаний» и сообщения Герберштейна послужило, очевидно, то обстоятельство, что Копылов и Варавин, посланные великим князем на Афон за переводчиком, выехали из Москвы в составе посольства Коробова к турецкому султану, направлявшемуся в Константинополь, где находилась и резиденция патриарха. На основании слухов об этом посольстве авторы «Сказаний», не располагавшие, очевидно, документальными данными, и составили рассказ о том, как великий князь просил султана (или патриарха) прислать переводчика Данилу (напомним, что в документах речь шла о Савве) и как вместо него был послан Максим Грек.

го князя, Василия Ивановича всеа Руси, и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором: турецкому ему не молчати. Да вы же ведали Искиндеря турецкого посла советы и похвалы, что хотел подымати турецкого царя на государя великого князя, и на всю его державу. Да ты, Максим, то ведал, а государю великому князю и боляром его не сказал. Да ты же говорил многим людям: Быти на той земли Рустей салтану турецкому, зане же салтан не любит сродников царегородских царей, а князь великий весь Василей внук Фомы Амарейского... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от турецкого ему как не бежати? Пойдет турецкой, и ему либо карачь дати, или бежати»¹⁷.

Из речи митрополита следует, что Максим Грек обвинялся, с одной стороны, в действиях, а с другой — в высказываниях, направленных против государственных интересов России в турецком вопросе. Действия Максима заключались в посылке грамот турецкому правительству с целью поднять его на войну против России и в тайных сношениях с турецким послом Скиндером, также враждебно настроенным по отношению к России. В высказываниях Максима давалась резко враждебная оценка восточной политики великого князя. В совокупности все эти обвинения рисуют Максима как тяжкого государственного преступника, предателя национальных интересов России.

Тяжесть обвинений, предъявленных Максиму, становится особенно наглядной, если учесть международную обстановку, в которой оказалась Россия в 20-х гг. XVI в. В длительной борьбе России с Польско-Литовским государством за возвращение западнорусских земель в 1514 г. был достигнут крупный успех — взят Смоленск. Однако поражение под Оршей в 1517 г. задержало дальнейшее развитие военных действий. Между сторонами начались длительные переговоры, сопровождавшиеся подписанием в 1522 и 1526 гг. перемирий, но так и не приведшие к заключению твердого мира. К неустойчивости русско-литовско-польских отношений присоединилась угроза агрессии со стороны султанской Турции и ее вассалов — татарских ханств. В 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей инспирировал с помощью своих сторонников переворот в Казани, посадив на престол вместо ставленника Москвы Шах-Али своего брата Сагиб-Гирея, после чего крымские и казанские войска произвели нападение на Москву. Хотя Москва не была взята, но Русскому государству был нанесен серьезный удар. В этих условиях в русских дипломатических кругах возникла идея заключения союза с Турцией. Посредством этого союза русская дипломатия надеялась обезопасить себя со стороны Крыма, направить набеги крымских татар в сторону Литвы и одновременно развязать себе руки для борьбы с Казанью. Но из идеи русско-турецкого союза ничего не получилось. Московская дипломатия склонна была приписывать неудачу русско-турецких переговоров враждебной Русскому государству деятельности турецкого посла Скиндера (был в Москве в 1522, 1524 и 1526 гг.)¹⁸. Однако причины обострения русско-турецких отношений были гораздо более глубокими. И. И. Смирнов правильно указал, что они заключались в агрессивном характере внешней политики Турции: Турция не могла отказаться от поддержки татарских ханств, являвшихся ее форпостами в Восточной Европе¹⁹. Особого обострения

¹⁷ ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 5. — Во второй и предпоследней фразах цитируемого отрывка мы воспроизводим пунктуацию, предложенную И. И. Смирновым, справедливо указавшим, что пунктуация, данная в этих фразах в издании судного списка, является неудачной (И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. Вопросы истории, 1946, № 2—3, стр. 123).

¹⁸ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, стр. 28—29; см. также ниже, стр. 119 сл.

¹⁹ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. — ИЗ, т. 27, 1948, стр. 45.

русско-турецкие отношения достигли в 1524 г., когда Сагиб-Гирей признал себя вассалом Турции и объявил Казанское ханство «юртом» Сулеймана I. Но осуществить свои сюзеренные права над Казанью турецкому султану не пришлось, так как в результате похода русских войск на Казань летом 1524 г. Сагиб-Гирей бежал в Крым, а новый казанский хан должен был признать свою зависимость от Русского государства. Однако это признание было в значительной степени формальным, и новый казанский хан Сафа-Гирей продолжал занимать по отношению к Русскому государству враждебную позицию.

Таковы внешнеполитические события, непосредственно предшествовавшие процессу Максима Грека и придававшие особую остроту обвинению его в изменнических сношениях с Турцией.

Естественно, что вопрос о справедливости этого обвинения в наибольшей степени привлекал внимание исследователей, занимавшихся процессом Максима Грека. Однако, как справедливо отметил И. И. Смирнов в историографическом введении к своей статье, при решении этого вопроса исследователи, как отрицавшие виновность Максима, так и признававшие ее, исходили главным образом «из логических рассуждений на тему о совместимости (или несовместимости) характера вины, предъявленной Максиму Греку на суде, с общим обликом греческого монаха как политического и культурного деятеля»²⁰. Попытку подвести под вопрос о виновности Максима некоторую фактическую базу сделали лишь два автора — Б. И. Дунаев и И. И. Смирнов, решавшие его, как мы уже указывали, в положительном для обвинения смысле. Рассмотрим фактические основания, приводимые ими в обоснование своей точки зрения²¹.

Остановимся сначала на вопросе об обвинении Максима Грека в сношениях с турецким правительством.

Б. И. Дунаев обратил внимание на имеющиеся в описи царского архива записи: «Ящик 26-й. А в нем... список з грамоты, что дали во Святую Гору прежние государи з земли, списан у Максима Грека». И далее: «Ларчик дубов. 61-й. А в нем грамоты греческие посольные, взяты у Савы, архимарита у Спаского бывшего». В этих записях Б. И. Дунаев усматривает доказательство того, что Максим и Савва имели доступ к посольским делам, в частности касающимся сношений с Турцией²². И. И. Смирнов, приводя вслед за Б. И. Дунаевым извятие описи царского архива о взятии у Саввы «грамот греческих посольных», замечает: «Трудно сказать, что представляли собой эти «грамоты греческие посольные», изъяты у Саввы, но самый факт их обнаружения у единомышленника М. Грека свидетельствует о том, что греческие монахи из Москвы вели политическую переписку с границей и, следовательно, правительство Василия III могло узнавать содержание этой переписки через своих агентов или путем захвата писем»²³.

Нам кажется, что хотя вопрос о том, что представляли собою «грамоты греческие посольные», действительно нелегко решить, так как этот термин в источниках больше не встречается, но некоторые предположения по этому поводу высказать все-таки можно. «Грамоты посольные» — это, несомненно, грамоты, привозимые послами. На территорию, откуда были привезены «грамоты посольные», найденные у Саввы, указывает термин «греческие»: привезены они были с территории Греции, находившейся под властью Турции. Но с этой территории в Россию поступали доку-

²⁰ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком, стр. 109—110.

²¹ Аргументацию И. Б. Грекова в доказательство агентурной службы Максима Грека турецкому султану мы приводить не будем, так как она полностью повторяет аргументацию И. И. Смирнова (см. ВВ, XXVIII, стр. 110).

²² Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 года. М., 1960, стр. 20, 25; Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16.

²³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 124.

менты двух родов: от властей Турецкой империи и от греческой православной церкви. К какой именно документации в XVI в. прилагался термин «греческие», показывает сопоставление фондов «греческих» и «турецких» дел, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. В фонде «греческих дел» ко времени Василия III относятся статейные списки посольств представителей греческой церкви, приезжавших в Москву обычно с просьбой о «милостыни» (материальной помощи), грамоты, привозимые ими, а также грамоты, посылаемые великим князем монастырям (чаще всего афонским) и властям греческой церкви²⁴. Среди этих материалов ни одного документа, относящегося к сношениям с турецкими властями, нет. Последние сосредоточены в фонде «турецких дел»²⁵. Следовательно, «грамоты греческие посольские» — это грамоты, которыми снабжались представители греческой церкви. Вряд ли адресатом грамот, найденных у Саввы, был сам Савва: грамоты от властей греческой православной церкви направлялись либо великому князю, либо митрополиту. Если же предположить, что грамоты, изъятые у Саввы, представляли собою секретные письма, получаемые им от властей греческой церкви, тогда неясно, почему к ним прилагался термин «посольские» (к частным лицам послы не посылались). Нам думается, что грамоты, найденные у Саввы, были действительно «грамотами греческими посольскими», т. е. официальными грамотами греческой церкви, направленными в Россию, которые из Посольского приказа каким-то образом попали в руки Саввы. Возможно, что по просьбе какого-либо из греческих посольств, постоянно приезжавших в Москву за милостыней, Савва и Максим собирали материал о сношениях Москвы с греческой церковью. Прямое указание на интерес именно такого рода дает второе известие описи царского архива о том, что у Максима имелся список с грамоты, «что дали в Святую гору прежние государи земли»²⁶. Таким образом, рассматриваемые известия описи царского архива свидетельствуют не о сношениях Саввы и Максима с турецкими властями, не о политической переписке их с заграницией, а об интересе к делам греческой церкви, естественном для греческих монахов.

Другой «важнейший материал в пользу доказательства наличия связей М. Грека с турецким правительством» И. И. Смирнов усматривает в известии «Турецких дел» о судьбе лекаря Марка. Лекарь Марк, по национальности фрязин, подданный турецкого султана, приехавший на службу в Москву, задерживался великим князем под разными предлогами, несмотря на просьбы султана отпустить его (за Марка хлопотал, в частности, Скиндер)²⁷. Из этого известия И. И. Смирнов делает вывод, что турецкое правительство «было прекрасно осведомлено о греках, живших в Москве, и имело с ними сношения». Как доказательство заинтересованности турецкого правительства в судьбе Максима Грека И. И. Смирнов приводит также показание Поссевино о том, что Максим Грек, «несмотря даже на энергичные настояния турецкого императора, так и не мог освободиться от заключения, где, говорят, и окончил дни»²⁸.

Вряд ли приводимые И. И. Смирновым известия могут служить доказательством связей Максима Грека с турецким правительством. То, что турецкое правительство хлопотало за лекаря Марка, не означает еще, что оно пеклось о всех своих подданных, проживавших в Москве, и поддер-

²⁴ ЦГАДА, «Греческие дела». ф. 50, кн. I, лл. 1—30.

²⁵ Б. И. Дунаев. Указ. соч., Приложение, стр. 33—92.

²⁶ Нам представляется вполне допустимым предположение Б. И. Дунаева, что грамоты, найденные у Максима и Саввы, могли попасть к ним из Посольского приказа через видного московского дипломата того времени Дмитрия Траханпота, грека по национальности (Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16).

²⁷ Там же, стр. 13—14.

²⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 124.

живало с ними сношения. Что касается показания Поссевино о ходатайстве за Максима турецкого султана, то достоверность его более чем сомнительна: Поссевино писал спустя столетия после интересующих нас событий, писал по слухам (он сам ссылается на то, что «говорят»); о сомнительности его сведений о Максиме Греке свидетельствует, в частности, и такая грубая ошибка, как указание на смерть Максима в заточении. Внимание Поссевино к непроверенным слухам о заинтересованности турецкого султана в судьбе Максима Грека легко объясняется характером миссии Поссевино: его задачей являлось не только заключение мира между Россией и Польшей, но и вовлечение России в антитурецкую лигу²⁹. Отсюда стремление Поссевино подчеркивать происки турецкого султана.

Для доказательства справедливости обвинения Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией И. И. Смирнов использует также новый памятник литературы XVI в., изданный М. Н. Тихомировым. По мнению И. И. Смирнова, известия этого памятника имеют такое значение, что опубликование его «окончательно решает вопрос о суде над Максимом Греком, устраняя возможность трактовки «Судного списка» как недостоверного источника»³⁰.

Источник, о котором идет речь, это летописный отрывок, освещающий события правления Василия III за 1518—1526 гг. Он находится в составе сборника Музейного собрания № 3841, заключающего несколько летописных памятников, в том числе Софийскую первую летопись, краткие погодные заметки за 1478—1521 гг., летописец патриарха Никифора. Имеющиеся в сборнике сведения о постройках в Пафнугьевом Боровском монастыре указывают на принадлежность его этому монастырю. По почерку и водяным знакам сборник (за исключением первых 22 листов, восстановленных, очевидно, вместо утерянных в конце XVII — начале XVIII в.) датируется концом XV — первой половиной XVI в.³¹

Известия нашего отрывка, описывающего, как уже сказано, события правления Василия III за 1518—1526 гг., в большинстве своем совпадают с известиями других летописей. Но среди них есть и оригинальные. К числу их относятся, в частности, статьи «О пострижении великого княгини Соломониды» и «Совокупление второго брака». На основании содержания этих статей, оправдывающих второй брак великого князя и в то же время не сообщающих о рождении у него наследника (главное оправдание брака, совершенного «чадородия ради»), М. Н. Тихомиров относит составление отрывка к 1526—1530 гг.³²

Названным статьям предшествует читающаяся только в нашем отрывке статья, помещенная под 1525 г., «О греках». Вот ее текст: «О греках. Того же лета князь великий Василей Иванович всеа Руси довел на Спасского архимандрита на Саву на Грека, да на Максима на философа измену, посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше к турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя. А Даниил митрополит всеа Руси с связанным собором довел на них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсен Беклемишев да Петр Муха Карпов да Федко Жареной. И сказали на соборе во всем виноваты. Государь же над Греки показал милость. Саву послал в заточенье в обитель Пречистыя на Возмища, а Максима в Сифов, а келеиника их Афонасаа в Пафнугиево, а Берсеня велел казнити главною казнию, и Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезать»³³.

²⁹ П. П и р л и н г. Восточная идея Посевино. — «Русская старина», т. 136, 1908, стр. 563—573.

³⁰ И. И. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 126.

³¹ М. Н. Т и х о м и р о в. Новый памятник политической литературы XVI в. — Сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114.

³² Там же, стр. 106.

³³ Там же, стр. 112.

Придавая исключительное значение известиям нового источника, как окончательно решающим вопрос о суде над Максимом Греком, И. И. Смирнов в обоснование их достоверности указывает на датировку летописца, его характер, происхождение известия о суде над Максимом Греком.

Рассмотрим эти аргументы.

Летописец Боровского монастыря, составленный в 1526—1530 гг., был почти современен описываемым в нем событиям. Это обстоятельство на первый взгляд действительно располагает в пользу его известий, так как автор — современник событий и имел, казалось бы, возможность лично с ними ознакомиться и правдиво их передать. Но вопрос о достоверности показаний любого источника, в том числе и современного события, всегда связан с вопросом о его тенденции, так как в источнике любой хронологической давности может иметь место искаженное освещение событий, обусловленное мировоззрением автора. Поэтому хронологическая близость Боровского летописца к описываемым в нем событиям, взятая самая по себе, еще не является несомненным доказательством достоверности его показаний.

В этой связи большое значение приобретает определение его характера и степени тенденциозности. И. И. Смирнов, соглашаясь с данным М. Н. Тихомировым определением Боровского летописца как летописца монастырского, пишет: «по самому своему характеру монастырский летописец — источник несравненно менее тенденциозный, чем официальные летописные своды, в которых изложение событий подчинено определенной политической схеме. Тем достовернее, следовательно, данные рассматриваемого отрывка»³⁴.

Не касаясь данной И. И. Смирновым общей характеристики монастырских летописцев как источников «несравненно менее тенденциозных», чем официальные летописные своды (эта характеристика вряд ли может быть признана удачной), остановимся на вопросе об идеологической направленности и степени тенденциозности Боровского летописца.

Его основная политическая тенденция была вскрыта еще М. Н. Тихомировым во введении к изданию: «Миросозерцание автора отрывка, — пишет М. Н. Тихомиров, — очень типично для самосознания укреплявшегося московского самодержавия и может быть выражено словами Степенной книги — «всяк хотяй озлобити христоименитое сие достояние Руськое сице вскоре потребится» (Полное Собр. лет. XXI, 603). Все враги Московского государства автором отрывка награждаются самыми бранными эпитетами и постоянно обвиняются в изменах и вероломстве и, наоборот, личность великого князя Василия Ивановича неумеренно восхваляется. Ошибки и поражения великого князя объясняются лишь его доверчивостью. В повествовании автора отрывка Василий вырастает в грандиозную фигуру венценосца, меч которого «обоюдоостр на цари и короли, на всяко племя безсерменское и на латынство»³⁵.

Пожалуй, с еще большей яркостью, нежели в изложении событий внешнеполитических, выступает тенденция летописца в описании неурядиц в личной жизни великого князя. В статье «О пострижении великия княгини Соломониды» рассказывается, что великая княгиня, «видя неплодство чрева своего», начала молить великого князя разрешить ей постричься в монахини. Великий князь, не желавший нарушать брачного обета, отверг ее просьбу. Тогда Соломония обратилась к митрополиту Даниилу, и тот «моления слез ее не презри, много много моля о сем государя со всем священным сонмом, да повелит воле ея быти». Великий князь в свою очередь «моления отца своего Данила митрополита не пре-

³⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 126.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 105—106.

зре, повеле сътворити волю еа. Благоверная же великаа княгини, аки от пчел сота от царьских уст насладився, с радостию отходит в обитель». В следующей статье «Свьзкупление второго брака» повествуется о том, как великий князь пребывал в унынии и сетовании из-за разлуки со своей «подругой», как митрополит Даниил и братья великого князя, Юрий и Андрей, стали уговаривать его переменить печаль на радость и вступить во второй брак, как великий князь отвергнул их мольбы и согласился только тогда, когда к ним присоединились князья и бояре: «И ответ дал преосвященному Данилу митрополиту и благоверным князем Георгию и Андрею и всем поместным князем и бояром: воля ваша буди. Они же вси радостно и велегласно възъпиша: грех твой царю буди на нас». Заканчивается статья рассказом об избрании великому князю в невесты Елены Глинской и об их бракосочетании³⁶. Таким образом, в изложении летописца инициатором развода великого князя выступает его жена, к которой присоединяется митрополит, инициатором второго брака — митрополит и братья великого князя, к которым присоединяются князья и бояре. В обоих случаях великий князь лишь нехотя, против своего желания, уступает настояниям своих близких и представителей влиятельных общественных кругов. За поступки, являвшиеся нарушением традиционной этики, с него снималась всякая ответственность. Вряд ли нужно говорить о том, какой грубой фальсификацией являлся рассказ летописца.

В свете всего сказанного абсолютно убедительно звучит та итоговая оценка летописца, которую дает М. Н. Тихомиров: «Этот план неумеренного восхваления всех деяний великого князя невольно оставляет впечатление, что автор не столько задавался целью написать правдивые летописные заметки о своей эпохе, сколько возвеличить личность и деяния великого князя»³⁷.

Помимо стремления к прославлению великого князя Боровскому летописцу свойственна, как нам кажется, еще одна тенденция, которая особенно сильно сказывается в статьях о разводе и втором браке Василия Ш. Здесь рядом с великим князем всегда стоит митрополит Даниил: он трогательно заботится об интересах великого князя и является вдохновителем его поступков. Боровский летописец подчеркивает тот тесный союз между великокняжеской властью и иосифлянами, который установился после разрыва Василия III с нестяжателями³⁸.

В этой связи заслуживает всяческого внимания предположение А. Н. Насонова о том, что повествование о пострижении Соломонии и вступлении Василия во второй брак вышло из канцелярии митрополита Даниила³⁹. Оно могло попасть в Боровский монастырь при посредстве Макария, постриженника монастыря, из которого в марте 1526 г. он был вызван митрополитом Даниилом в Москву и поставлен в новгородские архиепископы. Но и после поставления в архиепископы Макарий сохранял связь с монастырем: в 1534 г. он сделал в него вклад — рукописное евангелие. Монастырь был связан не только с виднейшими деятелями иосифлянства, но и с самой великокняжеской семьей: в 1530 г. повелением Ва-

³⁶ Там же, стр. 112—114.

³⁷ Там же, стр. 106.

³⁸ Василий III, проводивший до 20-х гг. политику ограничения иммунитетных прав монастырей, опирался на нестяжателей, выступавших против вотчинных прав церкви. В 20-е гг., в связи с обострением внешне- и внутриполитического положения, обусловившего необходимость сплочения всех сил господствующего класса, он порывает с нестяжателями и сближается с иосифлянами, идеологами сильной воинствующей церкви, защищавшими незыблемость ее имуществ. Главую иосифлян был митрополит Даниил. Подробнее см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 64—77.

³⁹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 248—249.

силія ІІІ, «при его великой княгине Елене», монастырю был подарен церковный покров с изображением основателя монастыря Пафнутия⁴⁰. Связями Пафнутиева Боровского монастыря с великокняжеской семьей и ее в конце 20 — начале 30-х годов иосифлянским окружением и объясняется великокняжеско-иосифлянская тенденция монастырского летописца.

Все сделанные нами наблюдения над содержанием и идеологической направленностью Боровского летописца позволяют сделать вывод о том что Боровский летописец является не менее, а, может быть, более тенденциозным источником, чем официальные летописные своды. Показательно, например, что статья «О пострижении великой княгини Соломоницы» из летописных сводов встречается в одной только Типографской летописи, да и то в неполном виде⁴¹, а статья «Совокупление второго брака» не в один летописный свод включена не была.

Ярко выраженная великокняжеско-иосифлянская тенденция Боровского летописца заставляет настороженно отнестись к известиям интересующей нас статьи «О греках», рассказывающей о суде над заклятым врагом иосифлян — Максимом Греком⁴². Для оценки известий этой статьи необходимо попытаться выяснить вопрос о ее источнике. И. И. Смирнов, высоко ставящий достоверность известий статьи, в обоснование своего мнения высказывает предположение о том, что автор летописца мог получить сведения о процессе Максима Грека от келейника Максима Афанасия, содержавшегося в заточении в Боровском монастыре; это сведения «можно сказать из первых рук»⁴³. Остановимся на этом предположении.

Известие об осуждении Афанасия по делу Максима Грека и о ссылке его в Боровский монастырь читается только в статье «О греках» Боровского летописца. Из других источников Афанасий упоминается лишь в следственном деле Берсена Беклемишева и Федора Жареного, причем фигурирует здесь в качестве простого свидетеля, на которого обвинение не распространялось⁴⁴. Однако, несмотря на единичность известия Боровского летописца о ссылке Афанасия, оно представляется вполне правдоподобным: поскольку Афанасий был келейником Максима, он также мог попасть в число осужденных; официальные летописные своды, не интересовавшиеся такой скромной фигурой, не сохранили сведений о его суждении; составитель же Боровского летописца записал их, так как Афанасий был сослан именно в этот монастырь. Но то обстоятельство, что Афанасий находился в заточении в Пафнутиевом Боровском монастыре, не означает еще, что составитель летописца использовал его рассказы как источник сведений о процессе Максима Грека. Составитель летописца, излагая события правления Василия ІІІ, неизменно проводил, как это мы постарались показать, официальную точку зрения, причем под его пером эта точка зрения получала порою наиболее крайнее выражение. Поэтому если даже составитель и обращался с расспросами к Афанасию (а это неизвестно), то при освещении процесса Максима Грека он должен был руководствоваться требованиями своих социальных заказчиков.

Источником сведений летописца о суде над Максимом Греком являлась, с нашей точки зрения, официальная церковно-правительственная версия, которая легко могла дойти до монастыря вследствие его связей с великокняжеской семьей и руководящими деятелями иосифлянства. Именно этим объясняется удивительное совпадение известий летописца о том, что Максим и Савва «посылали грамоты да и поминки железа

⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 107.

⁴¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 248—250; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222—223.

⁴² Максим Грек, примкнувший к нестяжателям, выступал против вотчинных прав монастырей (см. ниже, стр. 130—131).

⁴³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 126.

⁴⁴ ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

стрелные к паше к турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя» с обвинением Максима и Саввы на суде митрополитом в том, что они «посылали грамоты к турским пашам, и к самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и великаго князя, Василия Ивановича всеа Руси и на всю его благочестивую державу». Только официальную версию Боровский летописец расцвел фантастическими подробностями о железных стрелах, которые греческие монахи из Москвы посылали в качестве подарков турецким пашам. Еще в одном отношении составитель Боровского летописца пошел дальше официальной версии: в рассказ он суде о включил известие о покаянии Максима и Саввы («сказали на соборе во всем виноваты»), известие более чем сомнительное, так как в судном списке Максима Грека сообщается, что его упорное непокаяние и явилось одной из причин вторичного суда над ним.

Известия летописца Пафнугиева Боровского монастыря об изменнических сношениях Максима Грека с Турцией не могут служить подтверждением справедливости его обвинения во внешнеполитической измене, так как они представляют собой вариант той же самой церковно-правительственной версии, которая была сформулирована и в судном списке⁴⁵.

Составной частью обвинения Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией является обвинение его в связях с турецким послом Скиндером, в осведомленности о стремлении последнего вызвать войну между Турцией и Россией и в у молчании об этом. Сторонники виновности Максима Грека считают связи его со Скиндером несомненными.

Б. И. Дунаев объясняет их принадлежностью Скиндера (грека, из рода князей Мангупских), так же, как и Максима Грека, к партии греческих патриотов, видевших в войне России с Турцией средство освобождения Греции. Однако доказательства, приводимые Б. И. Дунаевым в пользу принадлежности Скиндера к греческим патриотам (указание на его греческое происхождение и заявления о намерении «учинить вражду» между Россией и Турцией)⁴⁶, вряд ли могут быть признаны состоятельными. Статейные списки турецких дел рисуют Скиндера как капризного и корыстолюбивого турецкого дипломата, недовольного приемом, оказанным ему в Москве и грозившим в отместку «учинить вражду» между султаном и великим князем⁴⁷. Поэтому прав, как нам кажется, И. И. Смирнов, рассматривающий Скиндера как представителя греческой знати, перешедшей на службу к турецкому правительству⁴⁸. Но если греческий патриотизм Скиндера оказывается более чем сомнительным, то благодаря этому исчезает и почва для предположения о возможности на основе идейной близости тесного общения между Скиндером и Максимом Греком, действительно греческим патриотом⁴⁹.

И. И. Смирнов, объяснявший конспиративные связи между Скиндером и Максимом Греком их общей службой турецкому султану, в доказательство этих связей ссылается на показания Максима во время следствия по делу Берсена Беклемишева. Максим, передавая содержание своих разговоров с Берсеном, показал, в частности: «Да Берсень жо меня въспросил: «ведаешь ли, Максим, почто сюда Турецкого посол Искандер пришол?» И яз молвил: «не ведаю; а слышу, что с ним денги салтановы, купить, что будет потребная»⁵⁰. Нам кажется, что ни вопрос Берсена, ни ответ Максима отнюдь не являются показателями конспиративной близости

⁴⁵ Близкие к нашим возражения (но в очень лаконичной форме) на рассмотренную аргументацию И. И. Смирнова высказал И. У. Будовниц (И. У. Б у д о в н и ц. Русская публицистика XVI в. М. — Л., 1947, стр. 142—144, прим. 2).

⁴⁶ Б. И. Д у н а е в. Указ. соч., стр. 16, 22, 28—29.

⁴⁷ Там же, стр. 28.

⁴⁸ И. И. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 120—121, 123.

⁴⁹ См. выше, стр. 112, и ниже, стр. 120.

⁵⁰ ААЭ, т. I, № 172, стр. 143.

сти Максима к Скиндеру. Более того, из этого короткого диалога не видно даже, чтобы Максим вообще имел какие-то контакты со Скиндером. В ходе беседы, касавшейся различных политических событий, вопрос о цели приезда турецкого посла, с которым связывались слухи о заключении русско-турецкого союза, был естествен. Но сама форма вопроса Берсеня («не ведаешь ли») свидетельствует об отсутствии у него уверенности в осведомленности Максима. Максим в своем ответе подтвердил, что не знает о цели приезда Скиндера, добавив лишь, что слышал о привезенных им для покупок султану деньгах. Сведения Максима не включали ничего секретного, так как закупки для султана были формальной целью приезда Скиндера⁵¹ и слышать о ней Максим Грек мог отнюдь не от Скиндера, а от кого-либо из посещавших его келью московских бояр.

Известием следственного дела Берсеня Беклемишева о беседе Берсеня с Максимом по поводу приезда Скиндера завершается аргументация, используемая сторонниками виновности Максима во внешнеполитической измене. Никаких фактических доказательств конспиративных сношений Максима Грека с Турцией эта аргументация не дает.

Помимо обвинения Максима в конспиративной деятельности на суде ему было предъявлено обвинение во враждебных России высказываниях по вопросу о русско-турецких и русско-татарских отношениях. Поскольку в обвинительной речи митрополита это обвинение сформулировано в качестве резюме, без каких бы то ни было доказательств (не подлежащих поэтому проверке), постольку мы считаем возможным для решения вопроса о вероятности этих высказываний использовать произведение Максима, запечатлевшие его взгляды на вопросы внешней политики⁵².

Мы уже отмечали, что Максиму Греку было свойственно греческое самосознание, которое он пронес через всю свою жизнь. Греческая струя в мировоззрении Максима наложила отпечаток на его подход ко многим вопросам международной жизни, в частности, к вопросам, связанным с русско-турецко-греческими отношениями. Со скорбью писал Максим о судьбе своей родины, находившейся под турецким игмом, завоеванной «злобозонным измалтянином», подверженной «агарянскому мучительству». Однако, будучи реальным политиком, Максим Грек не рассчитывал на возрождение Греции собственными силами и надежды на то, что «яко же и прежде, устроится держава царская в Константине граде», называл «суетными»⁵³. Возрождение Греции он мыслил под эгидой сильнейшей православной державы — России. В «Послании» к Василию III по случаю окончания перевода Толковой псалтири, написанном в 1519 г., Максим обращался к великому князю со словами, исполненными глубокой веры в высокую историческую миссию России: «буди нам некогда царствовать от нечестивых работы свободенным тобою, вся бо возможна и удобь совершаема всех владыце и, яко же древле от нижних галлов воздвигнув великаго во царех Константина, древняго Рима, зде стужима, избави от нечестивого Максентиа, сице и ныне нового Рима, тяжце волнуема от безбожных агарян, благочестивейшею державою царствия твоего да изволит свободити и от отеческих твоих престол наследника покажет и свободы свет тобою да подаст нам бедным милостию и щедротами его»⁵⁴. Свое отношение к России, как к державе, предназначенной для особой историче-

⁵¹ Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 23.

⁵² Привлекая публицистические произведения Максима Грека, мы будем ограничиваться рамками рассматриваемого периода — 20—30-е годы (исходя из того, что в последующее время могла иметь место эволюция мировоззрения), и лишь в отдельных случаях (если в сочинениях Максима Грека этого периода затрагиваемые в судном списке вопросы не отражены) будем делать ссылки на его более поздние произведения.

⁵³ Инокса Максима слово второе на богоборца пса Моамефа. — «Сочинения Максима Грека», т. I, стр. 116.

⁵⁴ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 318—319.

ской роли, Максим Грек неоднократно подчеркивал, наделяя ее эпитетами: «богохраняемая и боговенчанная», «по благочестии и правдотворении преславнейшая» и т. д.

Но, связывая грядущее освобождение Греции с борьбой России против Турции, Максим Грек не призывал, однако, к немедленной войне с нею. Как показывает опубликованное В. Ф. Ржигой «Послание» Максима к Василию III, первоочередной внешнеполитической задачей России в 20-е гг. Максим Грек считал борьбу с татарскими ханствами. Содержание этого послания, написанного, как убедительно показал В. Ф. Ржига, по случаю нашествия на Русь крымского хана в 1521 г., сводится к следующему.

Выражая глубокую скорбь о тяжком поражении и опустошении, пережитом Русью, Максим Грек пишет, что измене «крымского пса», нарушившего свою клятву и совершившего вероломное нападение, не следует удивляться, ибо «яко же бо не мощно ест от тмы свету пройти или от желчи сладости, сице не возможно ест и от нечестиваго пройти истине». Нечестивым не следует верить, не следует посылать им даров, нужно быть готовым к брани с ними. Максим Грек призывает, не ожидая нового нападения, первыми нанести удар. Однако действовать нужно «разумно и хитростью». Так как с двумя мучителями (имеется в виду крымский хан и турецкий султан) бороться сразу трудно, тем более что поднимается и «третий волк» — казанский хан, то Максим Грек советует быстро и решительно напасть на последнего, пока нашествие не угрожает с другой стороны: «Доколе убо имамы благополучное время, — пишет он, — доколе отнекуди инуди языческое въстание не смущает нас, найдем и мы и нападем на христианоубийць града Казани, не истеряем деланий время в неплодных деяний». Завоевание Казани означало бы не только ликвидацию одного из очагов татарской опасности. Оно означало, по мнению Максима Грека, и усиление могущества России, укрепление ее позиций по отношению к другим врагам: «Скверной бо Казани от сред бывъше, удоб нам! противу прочих стояти, грозным оттуда бывшим»⁵⁵.

Из содержания «Послания» следует, что Максим Грек пристально следил за событиями внешнеполитической жизни России и много размышлял над ними. Он сумел проникнуться интересами своей новой родины, и результатом его раздумий был план активной борьбы с татарскими ханствами, отвечавший насущным внешнеполитическим задачам России. Сторонником активной политики России по отношению к татарским ханствам Максим Грек оставался и в последующее время, о чем свидетельствует «Слово благодарственно... о бывшей преславной победе на крымского пса...», написанное им по случаю успешного отражения похода крымского хана на Москву в 1541 г., а также ходатайство перед Иваном IV в 1553 г. о сиротах и вдовах воинов, павших «за православие» при завоевании «прегордого и сильного бусурманского царства» — Казани⁵⁶.

Анализ публицистического наследия Максима Грека показывает, что, будучи греком, он враждебно относился к Турции и являлся принципиальным сторонником борьбы с нею. Но трезвый учет международной обстановки и внешнеполитических интересов России, которыми, повторяем, Максим Грек сумел проникнуться, побуждали его выдвигать на первый план задачу борьбы с татарскими ханствами и, особенно, Казанью. Публицистическая деятельность Максима Грека полностью отвечала политике, проводившейся русским правительством в этом вопросе. Что касается собственно турецкого вопроса, то здесь между стремлениями русской дипломатии и взглядами Максима Грека имелись расхождения: в то время как русская дипломатия безуспешно добивалась заключения сою-

⁵⁵ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 95—103; там же. Приложение, стр. 111—116.

⁵⁶ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 277—290; Сочинения А. Курбского. — РИБ, т. XXXI, 1914, стр. 208.

за с Турцией⁵⁷, Максим Грек к идее русско-турецкого союза относился отрицательно, считая, что не следует заключать соглашений с неверными, так как на них нельзя полагаться⁵⁸. И надо сказать, что позиция Максима в этом вопросе была более реалистичной, нежели русских дипломатов, так как агрессивные намерения Турции исключали возможность заключения союза с нею.

В свете сделанных выводов о взглядах Максима Грека на внешнюю политику России, обратимся теперь к высказываниям по этому вопросу, которые приписывались ему на суде. Приведем еще раз соответствующий отрывок обвинительной речи митрополита: «Да вы же говорили, — обращался митрополит к Максиму и Савве, — Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором: турскому ему не молчати... Да ты же говоришь многим людям: Быти на той земли Рустей салтану турскому, зане же салтан не любит сродников церегородских царей, а князь великий весь Василей внук Фомы Амарейскаго... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от турского ему как не бежати? Пойдет турской, и ему либо карачь дати, или бежати»⁵⁹. Эти высказывания, если только они принадлежали Максиму Греку, рисуют его как апологета мощи султанской Турции, утверждавшего неизбежность подчинения России Турции («быти на той земли Рустей салтану турскому») и пропагандировавшего неверие не только в возможность успешной борьбы России с татарскими ханствами, но и в способность великого князя возглавить эту борьбу: в случае войны с Казанью великого князя ожидает «сором», великий князь выдал свою землю крымскому хану (очевидно, имеется в виду данное Василием III в 1521 г. обязательство уплачивать дань крымскому хану), а если начнется война с Турцией, то ему остается одно: бежать или «дать карачь». Так думать и говорить мог только убежденный враг России, презиравший ее правительство.

Но мог ли так думать и так говорить Максим Грек, грек и православный, видевший в России «богом избранную державу», которой предназначена была высокая историческая миссия борьбы с неверными, писатель, в тяжелый для России 1521 г. призывавший великого князя не падать духом и предпринять завоевание Казани? Высказывания, приписывавшиеся Максиму Греку, находятся в таком вопиющем несоответствии с его взглядами и его творчеством, что их можно расценивать лишь как заведомую клевету обвинителей.

Что же послужило основанием для этой клеветы? Думается, что основанием для нее явилось отрицательное отношение Максима Грека к идее русско-турецкого союза. Возможно, что, высказываясь в частных беседах против этого союза, Максим Грек указывал на его нереальность, ссылаясь на то, что военные действия против Казани приведут к обострению русско-турецких отношений (обвинители переделали это в «сором» для великого князя), что агрессивная Турция стремится к расширению своего влияния в Восточной Европе (обвинители интерпретировали это как утверждение неизбежности подчинения России Турции) и т. д. Во всяком случае, несомненно одно, что высказывания по поводу внешней политики России, инкриминировавшиеся Максиму Греку на суде, представляют искажение его истинных взглядов, понадобившееся обвинителям для того, чтобы посадить его на скамью подсудимых.

Итак, обвинение Максима Грека во враждебных интересах России высказываниях по вопросам внешней политики не находит, подобно обвинению в изменнических сношениях с Турцией, никакой опоры ни в фактических данных, ни во взглядах Максима Грека. Его представления об

⁵⁷ См. выше, стр. 112—113.

⁵⁸ В. Ф. Р ж и г а Указ. соч., стр. 97—98, 101, 113.

⁵⁹ ЧОИДР, 1847, № 7. Отдел II, стр. 5.

исторической миссии России, его понимание внешнеполитических задач русского правительства исключают, как нам кажется, не только гипотезу об агентурной службе Максима Грека турецкому правительству (высказанную И. И. Смирновым), но и гипотезу о стремлении Максима Грека из чувства «греческого патриотизма» спровоцировать войну между Россией и Турцией (развитую Б. И. Дунаевым). Международное положение России в 20-х г. XVI в. было таково (угроза со стороны татарских ханств, отсутствие прочного мира с Литвой), что война с Турцией неминуемо должна была означать поражение России. И Максим Грек, трезво оценивавший международную обстановку, не призывал, как мы видели, к войне с Турцией, понимая, очевидно, ее несвоевременность для России.

В судебном списке Максима Грека обвинения его в государственной измене приурочено к собору 1525 г.; оно названо в обвинительной речи митрополита на соборе 1531 г. в числе вин, разбиравшихся собором 1525 г. Думается, что это приурочение соответствует действительности: чтобы посадить на скамью подсудимых ученого переводчика и известного писателя, в течение ряда лет пользовавшегося личным расположением великого князя, необходимы были очень серьезные обвинения. И обвинители подготовили их.

Последнее из политических обвинений Максима заключалось в инкриминировании ему отрицательных отзывов о великом князе. По словам митрополита, Максим «великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым, как и прежние гонители и мучители нечестивые были»⁶⁰. Согласно контексту речи митрополита это обвинение было предъявлено Максиму на соборе 1525 г. Таким образом, по утверждению обвинителей, Максим отзывался отрицательно о великом князе еще до того, как попал в опалу. Следовательно, с точки зрения обвинения, отзывы Максима о великом князе носили отнюдь не личный характер (великий князь не был «мучителем» по отношению к Максиму), а являлись как бы выражением осуждения всей системы его правления.

В нашей литературе довольно широко распространено мнение, что Максим Грек в 20-е годы был идеологом реакционной феодальной оппозиции и отрицательно относился к усилению великокняжеской власти. Сторонники этой точки зрения в качестве важнейшего аргумента указывают на связь между процессами Максима Грека и Берсея Беклемишева.

Оба процесса, как мы уже отмечали, действительно были связаны. Берсень действительно был частым гостем в келье у Максима и вел с ним разговоры (во время которых, по словам келейника Максима Афанасия, Максим «высылал всех нас вон») ⁶¹, касающиеся острых вопросов внешне- и внутривосточной жизни России. Но означали ли эти длительные и удивительные разговоры единство точек зрения обоих собеседников?

Проанализируем под этим углом зрения сохранившийся отрывок следственного дела Берсея Беклемишева, содержащий показания Максима о беседах с Берсением. В показаниях освещены и вопросы, затрагивавшиеся в беседах, и позиции обоих собеседников.

Первый вопрос, о котором показал Максим, касался «цареградских обычаев», — взаимоотношения между греческой православной церковью и турецким правительством. На вопрос Берсея, как живут православные греки при «царях бесерменских», Максим ответил: «цари у нас злочестивые, а у патрярхов и у митрополитов в их суд не вступаются». Ответ Максима, несмотря на свою лаконичность, дает материал для характеристики его мировоззрения: высказав резко отрицательное отношение к турецким султанам, как к «злочестивым царям», Максим Грек констатировал далее их невмешательство в высший церковный суд. Констатация эта

⁶⁰ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5.

⁶¹ ААЭ, I, № 172, стр. 141.

имела положительный характер (Максим Грек одобрял сохранение при турецких порядках независимости высшего церковного суда), но антимосковского оттенка в ней не было. Ответная же реплика Берсеня Беклемишева: «хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть» — имела уже определенную антимосковскую направленность, проступающую при сопоставлении с дальнейшими высказываниями Берсеня Беклемишева. В этих высказываниях давалась резко отрицательная оценка русских порядков, поэтому слова Берсеня о турецких царях, «не вступающихся» в церковный суд, что они «ходят так, ино у вас еще бог есть», звучала как осуждение стремления великих князей московских к вмешательству в церковные дела. Общим, что соединяло обоих собеседников в этом диалоге, являлось признание независимости высшего церковного суда от светской власти.

В последующих показаниях Максим передавал содержание бесед, в которых речь шла уже непосредственно о русских порядках. Затрагивались самые различные вопросы, в том числе и об отношении Максима к политической жизни России. На вопрос Берсеня к Максиму: «ты человек разумной и можешь нас ползовати, и пригоже было нам тебя въспрашивать, как устрои ти государю землю свою и как людей жаловати, и как митрополиту жити?» (вопрос, лестный для самолюбия Максима Грека и в то же время вызывающий на откровенность) — он лишь осторожно и лояльно заметил: «У вас, господине, книги и правила есть, можете устроитися». В дальнейшем собеседник Максима затронул еще более острую тему — о перемене порядков при нынешнем великом князе. Он стал сравнивать правление Василия III с правлением его отца, и не к пользе Василия. По словам Берсеня, Иван Васильевич был «добр... и до людей ласков», а великий князь Василий «старые обычаи переменял», «людей мало жалует» и «запершыся сам третий у постели всякие дела делает». Перемену обычаев Берсень связывал с приездом Софьи Палеолог: «как пришла сюды мати великого князя великая княгини Софья с вашими греки, — говорил он, — так наша земля замешалася и пришли нестроения великие»⁶². Берсень высказал, таким образом, получивший затем широкую популярность в дворянско-буржуазной историографии тезис о влиянии на развитие единоподержавных тенденций великих князей византийских традиций, принесенных в Москву Софьей Палеолог. Больше всего возмущало Берсеня в «перемене старых обычаев» появление именно этих единоподержавных тенденций, выражавшихся в стремлении великого князя решать дела с двумя-тремя приближенными без обращения к боярской думе.

Как реагировал Максим на резкие суждения своего собеседника? По поводу замечания о пагубном влиянии Софьи он ответил Берсеню: «господине, мати великого князя, великая княгини Софья с обе стороны была роду великого, по отце царьский род царегородских, а по матери великого дукуса ферарийского италейские страны». По поводу жалобы на перемену великим князем старых обычаев заметил: «господине, которая земля преступает заповеди божи, та и от бога казничает, а обычаи царские и земские государи переменяют, как лутче государству его»⁶³. Несмотря, однако, на явную приглаженность ответов Максима, вызванную, быть может, стремлением не раздражать своего обозленного собеседника, в них совершенно определенно чувствуется твердая лояльность по отношению к правительству: указанием на высокое происхождение Софьи Максим как бы нейтрализовал неблагоприятные отзывы о ней; по поводу раздражения Берсеня на перемену великим князем старых обычаев высказал мнение о праве государей изменять обычаи «царские и земские» к пользе государства. мнение, которое в данном контексте звучало как оправдание

⁶² ААЭ, I, № 172, стр. 142.

⁶³ Там же.

политической линии великого князя и, в частности, его стремления к усилению великокняжеской власти. Максим Грек отнюдь не разделял приверженности своего собеседника к политической старине и его отрицательного отношения к новым политическим порядкам.

Различным было отношение собеседников и к внешней политике России. На раздраженное замечание Берсеня: «а все ныне отвсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с литовским, ни с крымским, ни с Казанью, все нам недруги, а з наше нестроенье», — Максим отвечал: «господине, не дивися тому, что нам все врази, занеже инии погании, а инии еретицы, и не подобает бояться их, занеже бог с нами; нынешней государь князь велики уподобися царю Давиду; и как господь бог сохранил царя Давида от всех окрестных иноплеменник, так и нашего государя господь бог сохраняет от всех окрестных врагов»⁶⁴. В этом диалоге были высказаны две точки зрения — недовольного сына боярского, с осуждением относившегося к активной внешней политике русского правительства, и Максима Грека, дававшего ей положительную оценку. Правда, этой оценке была придана туманная религиозно-православная форма: с соседями Русского государства не может быть мира, так как одни из них поганые, а другие еретики; но одобрение активной политики звучало совершенно определенно: врагов не подобает бояться, так как бог с нами и он сохранит великого князя, как некогда сохранил Давида⁶⁵.

На позициях лояльности по отношению к правительству Максим Грек остался и тогда, когда был затронут большой для него вопрос — о насильственном задержании в России. На сомнения Берсеня в том, что великий князь отпустит Максима из России, он спокойно отвечал: «за что ему меня не отпустить? Взял государь нас от нашии братьи на том, что ему нас и назад отпустити»⁶⁶. Максим высказал, таким образом, и уважение к слову великого князя, и уверенность в том, что он его сдержит.

Анализ бесед Максима Грека с Берсением Беклемишевым показывает, что у собеседников, связанных личным расположением друг к другу, по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения. Берсень был идеологом старины и отрицательно относился к политической линии правительства Василия III. Максим Грек, напротив, при обсуждении как вопросов политических, так и лично его касающихся, ни разу не вышел за рамки благонамеренности по отношению к правительству. Более того, по самому острому вопросу внутривластной жизни — о прерогативах великокняжеской власти — он решительно высказался за право государей изменять государственные порядки; так же решительно он поддерживал и внешнюю политику России. Единственно в чем сходились оба собеседника — это в отрицательном отношении к вмешательству светской власти в высший церковный суд. Но побудительные причины, приведшие их к этому единственному совпадению, были различными: осужде-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В беседах Берсеня с Максимом Греком затрагивались и вопросы русско-турецких отношений. Берсень отрицательно отзывался о проводившихся в это время с целью заключения русско-турецкого союза переговорах: «На что нам его дружба, — говорил он о султани, — лутши было с ним не дружитися» (там же, стр. 143). Ответ Максима на эту реплику в его показаниях не передан. Но известно, что Максим резко отрицательно относился к идее русско-турецкого союза. Таким образом, казалось бы, взгляды Берсеня и Максима в этом вопросе совпадали. Но это совпадение было кажущимся. У Максима отрицательное отношение к идее русско-турецкого союза вытекало из его греческо-православного мировоззрения и глубокого убеждения в том, что исторической миссией России является борьба с Турцией и ее вассалами — татарскими ханствами (см. выше, стр. 121 сл.). Берсень же, как мы только что показали, был недоволен активной внешней политикой России, полагая, что лучше жить в дружбе с соседями. С этой его общей установкой не вяжется осуждение русско-турецких переговоров. Поэтому последнее являлось у Берсеня не следствием принципиальной враждебности к Турции, а скорее одним из проявлений раздражения против правительства и стремления осуждать все его действия.

⁶⁶ Там же, стр. 143.

ние вмешательства светской власти в церковный суд у Берсеня было связано с отрицательным отношением к политической линии правительства Василия III, у Максима Грека — с его теорией разделения властей⁶⁷.

Нам думается, что очень тонко и правильно определил взаимоотношение между Берсением и его единомышленниками, с одной стороны, и Максимом Греком, с другой, С. Н. Чернов: «они... защищали дорогую и удобную для себя старину политического и церковного строя, — в то время как Максим Грек был только их слушателем, собеседником и, может быть, самое большое — консультантом. Их дело было и осталось ему чужим, а с ними он, видимо, не ушел дальше добрых личных отношений...»⁶⁸

При формулировке этого вывода встает, однако, вопрос — в какой мере позиция Максима, так как он выявлял ее во время следствия по делу Берсеня, соответствовала действительности? Не придавал ли он своим прежним высказываниям нарочито благонамеренный тон, стремясь избежать опалы? Нам кажется, что хотя это стремление в обстановке следствия могло иметь место, тем не менее в правдивости (в целом, а не в частностях, конечно) передачи Максимом его высказываний в беседах с Берсением вряд ли следует сомневаться.

В пользу этого предположения говорит сопоставление высказываний Максима с его произведениями. В беседах с Берсением Максим Грек высказывал полное одобрение активной внешней политики Василия III — его произведения 20-х годов представляли собой горячий призыв к активизации внешней политики и обоснование ее необходимости и целесообразности для Русского государства⁶⁹. В беседах с Берсением Максим высказывал одобрение (правда, в самой общей форме) и внутривластной линии правительства Василия III. К сожалению, произведений Максима Грека, относящихся к 20-м — началу 30-х годов, в которых он рассматривал бы вопросы внутривластной жизни Русского государства, не имеется. Но в произведениях более поздних (конца 30-х — начала 50-х годов) Максим Грек подробно на них останавливается: с осуждением он пишет о произволе в местном управлении, являвшемся спутником системы кормлений, со скорбью — об ослаблении центральной власти, имевшем место в период боярского правления⁷⁰; неоднократно призывает он царя заботиться не только об интересах церкви и боярства, но и дворянства⁷¹; высоко поднимает царскую власть, определяя ее природу следующими словами: «царь бо ни что же ино есть разве образ живой и ви-

⁶⁷ Мы не будем рассматривать взгляды Максима Грека на соотношение светской и духовной властей, поскольку они изложены в его произведениях, выходящих за хронологические рамки нашей работы. Отметим лишь, на наш взгляд, правильный вывод В. Ф. Ржиги о том, что идеалом Максима Грека являлась гармония светской и духовной властей, основанная на строгом разделении их функций (В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 59—62). Несомненно, что этот идеал находился в некотором противоречии с характерным для XVI в. стремлением великокняжеской власти к подчинению церкви. Но он находился в противоречии и с нестяжательской программой самого Максима Грека: если бы реформа монастырей на основе ликвидации их вотчинных прав была осуществлена, то это означало бы такой крупный сдвиг в сторону подчинения церкви государству, что идеал Максима Грека о гармонии светской и духовной властей превратился бы в сплошную утопию. Поэтому, говоря о несовпадении взглядов Максима Грека на соотношение духовной и светской властей с политикой великокняжеского правительства, мы должны иметь в виду, что это несовпадение снималось его отрицательным отношением к вотчинным правам монастырей (см. ниже, стр. 130).

⁶⁸ С. Н. Ч е р н о в. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 472.

⁶⁹ См. выше, стр. 121.

⁷⁰ «Слово о неизглаголаннем божии промысле, благодати же и человеколюбии, в том же и на лихоимствущих». — Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 185—213; «Слово, пространнее излагающе с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития». Там же, стр. 319—338.

⁷¹ «Послание к благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Там же, стр. 346—357.

димь, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго»⁷². Как убедительно показал В. Ф. Ржига, творчество Максима Грека в этот период идейно обосновывало целый ряд сторон процесса государственной централизации и подготавливало деятельность избранной рады, идеологом которой и был Максим Грек⁷³. Нам думается, что отмеченные черты мировоззрения Максима Грека 30—50-х годов представляют собой развитие и конкретизацию положения, сформулированного Максимом еще в беседе с Берсенем,— о праве государей изменять обычаи «царские и земьские», положения, являвшегося одной из основных теоретических посылок процесса государственной централизации.

Таким образом, хотя в 20-е годы взгляды Максима Грека на политическое развитие Русского государства не были вполне оформленными и последовательными (в духе византийских традиций Максим высказывался против независимости русской церкви от константинопольского патриарха и против вмешательства светской власти в высший церковный суд), тем не менее его политическая позиция была ближе к позиции сторонников государственной централизации, нежели ее противников. Поэтому беседы Максима Грека с Берсенем Беклемишевым, в основе которых лежала не идейная общность, а личное расположение собеседников, не могут служить доказательством принадлежности Максима Грека к лагерю феодальной оппозиции.

Все сказанное о политической платформе Максима Грека, о его отношении к великокняжеской власти исключает, как нам кажется, возможность того резко отрицательного отзыва о великом князе и системе его правления, который инкриминировали ему обвинители. Отзыв этот представляет собой, очевидно, искажение какого-либо частного замечания Максима Грека о великом князе. Может быть, поводом для его предъявления послужили высказывания Максима Грека об отношении великого князя к «вдовицам», о чем он давал разъяснения во время следствия по делу Берсеня Беклемишева. Запись этих разъяснений (без начала) сохранилась на одном из черновых листков следственного дела. Вот ее текст: «Да Максим же говорил: «Истинну, господине, вам скажу, что у меня в сердце, ни от кого есмь того не слышал и не говаривал ни с кем, а мнением есмь своим те себе держал в сердце: вдовицы плачут, а пойдет государь к церкви и вдовицы плачут и за ним идут, и они их бьют, и яз за государя молил бога, чтобы государю бы на сердце положил и милость бы государя над ними показал»⁷⁴. Вполне возможно, что Максим, считавший одной из обязанностей государя заботиться о вдовах и сиротах⁷⁵, как-нибудь в беседе с неодобрением отозвался о том, что стражники великого князя разгоняли толпу нищих, сирот, вдов и всякого рода просителей, ожидавших великого князя у церкви. Это или ему подобное замечание, касающееся частных в поведении великого князя, обвинители легко могли переделывать в отзыв о великом князе как о «гонителе и мучителе».

Несомненно, что рассматриваемое обвинение было инкриминировано Максиму в соответствии с данными судного списка⁷⁶ еще в 1525 г., так как обвинителям было чрезвычайно важно вызвать против Максима личный гнев великого князя.

⁷² Там же, стр. 350.

⁷³ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 108—109. — Поскольку изучение мировоззрения Максима Грека 30—50-х гг. выходит за хронологические рамки нашей работы, постольку мы ограничиваемся указанием на некоторые наиболее характерные черты его воззрений в это время и ссылкой на исследование В. Ф. Ржиги, которому принадлежит наиболее глубокий и тонкий анализ общественно-политических взглядов Максима Грека.

⁷⁴ ААЭ, т. I, № 172, стр. 142. прим. 1.

⁷⁵ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 74.

⁷⁶ См. выше, стр. 123.

Вторую группу обвинений Максима Грека, следующую в речи митрополита за обвинениями политическими, составляют обвинения уголовные — в колдовстве. Их два. Одно — заключалось в «волховании» с целью злоумышления против великого князя ⁷⁷, второе — в «волховании» ради достижения всезнания, о чем «похвалялся» Максим в бытность свою в Иосифово-Волоколамском монастыре ⁷⁸. Хотя в речи митрополита оба обвинения фигурируют среди вин Максима, разбиравшихся на соборе 1525 г., но совершенно очевидно, что поскольку второе связывается с заключением Максима в Иосифово-Волоколамском монастыре, постольку оно могло служить предметом разбирательства лишь на соборе 1531 г. Первое же обвинение — в колдовстве против великого князя — предъявлялось Максиму Греку в соответствии с имеющимися в речи митрополита данными, очевидно в 1525 г., так как обвинители стремились, как мы это уже подчеркивали, восстановить великого князя против Максима Грека. Оба обвинения в колдовстве — яркий показатель тенденциозности судей и их стремления любыми средствами очернить Максима.

Третья группа обвинений Максима Грека включала обвинения религиозно-догматического порядка: Максим обвинялся в хуле «на господ бога и на пресвятую богородицу, и на церковные уставы», что означало в совокупности обвинение в отступлении от православия, обвинение в ереси. Именно так поставил вопрос митрополит при допросе Максима на соборе 1531 г.: «И ты скажи нам, что еси с своими единомышленники и советники мудрствовал, имышлял, и действовал на православную веру?» — обратился митрополит к Максиму. В доказательство отступления от православия обвинители предъявили Максиму следующие пункты: 1) распространение «хульного» учения о том, что «седение христово одесную отца мимошедшее и минувшее», 2) искажение некоторых канонических статей в «правилах» (очевидно, речь идет о Кормчей Вассиана Патрикеева, в составлении которой участвовал и Максим Грек), 3) высказывание о том, что после вознесения Христа его плоть осталась на земле, 4) «заглаживание» (пропуск) отдельных строк в Евангелии и символе веры, 5) непризнание русских книг Священного писания и богослужебных, 6) правку нескольких мест в переводе «Жития Богородицы» Метафраста, 7) «заглаживание» отдельных строк и слов в Апостольских деяниях и «великом отпущте» троицкой вечерни ⁷⁹.

Не останавливаясь на анализе каждого отдельного пункта ⁸⁰ и не касаясь вопроса о времени их предъявления ⁸¹, отметим лишь основания, использованные организаторами процесса для обвинения Максима.

Одним из центральных пунктов обвинения являлось обвинение Максима в «хульном» учении о «седении Христа одесную отца». При исправлении по поручению великого князя богослужебных книг Максим внес в Цветную триодь в службу на вознесение следующую правку: вместо «Христос взыде на небеса и седе одесную отца, ... седяй одесную отца» он написал «седев одесную отца, ... седевшего одесную отца, ... сидел одесную отца». Благодаря этой правке получалось, что «седение Христа одесную

⁷⁷ «Да ты же, Максим, волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех своих, и распростирал длани свои против великаго князя, также и против пных многих поставлял, волхвуя» (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5).

⁷⁸ «А жил еси во Иосифове монастыре... и... говорил: Аз, Максим, ведаю все везде, где что деется, — ино то волхование елиньское и еретическое...» (там же, стр. 5).

⁷⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 1, 7—13.

⁸⁰ Подробный разбор и комментарий религиозно-догматических обвинений Максима Грека см.: Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 712—714, 720—724 и примечания к этим страницам.

⁸¹ Согласно контексту судебного списка, сформулированные нами пункты 1—5 были предъявлены Максиму на соборе 1525 г. (вторично они рассматривались на соборе 1531 г.), пункты 6—7 — на соборе 1531 г. Специальное рассмотрение вопроса о распределении религиозно-догматических вин Максима между соборами не входит в нашу задачу.

тца» и мело место в прошлом, а потом прекратилось; как говорили обвинители, Максим «говорил и учил... яко седение христово одесную отца мимошедшее и минувшее». С точки зрения ортодоксального православия получалась действительно еретическая мысль. Тем не менее на соборе 1525 г., так же как и на соборе 1531 г., Максим отстаивал свое написание, утверждая, что между ним и прежним «разньства ни котораго несть»⁸². Позже, в «Исповедании православной веры», написанном после 1534 г. во время тверского заключения Максима, он признал свою правку ошибочной и объяснил ее недостаточным знанием русского языка: «занеже не у совершенно изучившу мя ся вашей беседе»⁸³. Недостаточным знанием русского языка, с одной стороны, и расхождением между старыми русскими переводами и греческими текстами, привлекавшимися Максимом Греком, с другой, объясняются и некоторые другие неточности, имеющиеся в переводах Максима⁸⁴, которые также были использованы обвинителями для доказательства его еретических взглядов. В вину Максиму были поставлены и простые описки писцов⁸⁵ и, наконец, передача им чужих мнений⁸⁶. Все эти «вины», если бы суд был хотя бы в какой-то мере беспристрастным, легко могли быть разобраны и извинены, так как в вопросах догматических Максим Грек всегда стоял на ортодоксальных позициях⁸⁷. Но судьи, руководимые лишь стремлением очернить обвиняемого, собрали и свалили в одну кучу все — и неточности, связанные с недостаточным знанием русского языка, и простые описки, и передачу Максимом чужих мнений.

Особые старания руководители процесса приложили к тому, чтобы уличить Максима Грека в еретических взглядах на Христа: этого вопроса касалось, как мы видели, большинство обвинительных пунктов религиозно-догматического характера. И это не случайно. Христологические споры были типичны для русской религиозно-философской мысли конца XV — начала XVI в.: сомнения в ортодоксальном учении о Христе являлись одной из форм, в которой выражалась оппозиция господствующей церкви и ее теории⁸⁸. В частности, догмат о двойной природе Христа подвергался нападкам со стороны Вассиана Патрикеева, человека, с которым Максим Грек был связан общностью взглядов на многие вопросы церковной жизни, а также личными узами. Организаторы процесса, предъявляя Максиму Греку обвинение в «хуле» на Христа, учитывали, таким образом, и религиозно-философский фон эпохи, и личные связи Максима.

С религиозно-догматическими обвинениями Максима было связано и обвинение его в непризнании русских книг Священного писания и богослужебных. Обвинители постарались этот важный для них пункт обосновать «документально»: они основывались на «записи» — доносе, поданном на Максима протопопом московского Успенского собора Афанасием, протодиаконом Иваном Чушкой и попом Василием. «... ты здешние книги хулишь, и укоряешь, и отметаешь,— говорил Досифей Максиму, ссы-

⁸² ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 1, 12.

⁸³ Сочинения Максима Грека, т. I, стр. 26—28.

⁸⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 720—722.

⁸⁵ Например, Вассиану и Максиму было поставлено в вину следующее написание правила Кирилла, патриарха александрийского, в Кормчей Вассиана: «Аще кто наречет пречистую Богородицу деу Марию, да будет проклят» (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12), написание, в котором перед глаголом «наречет» было пропущено по небрежности писца отрицание «не».

⁸⁶ Когда Максиму Греку было поставлено в вину высказывание о том, что плоть Христа после его вознесения осталась на земле, почерневшая, бродит по пустым местам, то Максим сначала отрицался, а потом показал, что «то он говорил к некоей рече, что то говорят лихие люди неверные», т. е. говорил, передавая чужие мнения (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12).

⁸⁷ В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 197.

⁸⁸ В. И. К о р е ц к и й. Христологические споры в России (середина XVI века). — «Вопросы истории религии и атеизма», XI. М., 1963, стр. 334—361.

лаясь на поданную «запись», — а сказываешь, что здесь на Руси книг никаких нет, ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтыри, ни Правил, ни уставов, ни отческих, ни пророческих». На очной ставке с протопопом Максим сказал, «что не говаривал того; а говорил, что здесь на Руси книги непрямы, а иные книги перевотчики перепортили, ино их надобно переводити»⁸⁹. Таким образом, Максим показал, что он говорил лишь о неправомерностях, имеющих в русских переводах, и о необходимости их исправления⁹⁰. Очевидно, эти высказывания Максима, не заключавшие в себе ничего предосудительного даже с ортодоксальной русско-православной точки зрения (Максим был вызван в Россию специально для перевода и исправления русских богослужебных книг), обвинители использовали в полном отрицании русских священных и богослужебных книг, обвинение, которому при желании легко можно было придать политический оттенок. Максим отрицал русские священные книги, потому что он враждебно относился к русской церкви, великому князю, российской державе. Тенденциозность суда налицо и здесь.

Четвертую группу обвинений против Максима Грека составляют обвинения в критике вотчинных прав церкви. Они сформулированы в обвинительной речи митрополита на соборе 1531 г.: «Да, ты же, Максим, — говорил митрополит, — святые божия соборныя и апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжание, и люди, и доходы, и села имеют; а и в ваших монастырех, во Святой горе, и в иных местах в вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и в писаниих отеческих писано: велено их держати святым церквам и монастырем. Да ты же, Максим, святых чудотворцев Петра, и Алексея, и Ионы митрополитов всея Руси, и преподобных чудотворцев Сергия, и Варлаама, и Кирила, и Пафнотия, и Макария, укоряеши и хулиши, а говоришь так: Зане же они держали города и волости, и села, и люди, и судили, и пошпины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имели, ино им нелзе быти чудотворцом»⁹¹.

Как мы видим, обвинение Максима Грека в критике вотчинных прав и стяжательской деятельности церкви распадается на две части: обвинение в обличении церквей и монастырей за владение селами и людьми и обвинение в отрицании святости новых русских святых и чудотворцев из-за их стяжательской деятельности. Обличение стяжательской деятельности церкви действительно занимало важное место в творчестве Максима Грека: в его произведениях даны наиболее всеобъемлющие в русской публицистике XVI в. картины вотчинного быта монастырей, бедственного положения крестьян, изнемогающих под тяжестью монастырских «деланий», паразитизма и нравственного упадка духовенства, погрязшего в пьянстве, праздности, сребролюбии⁹². И тем не менее обвинения, предъявленные Максиму на суде, не были вполне объективными.

Это относится, в частности, к их первой части — обвинению в критике церквей и монастырей за владение вотчинами. Максим Грек, ратуя в своих произведениях против вотчинного быта монастырей, никогда не выступал против права мирских церквей на обладание селами. Более того, в «Главах поучительных», написанных, правда, позднее, в конце 40-х годов, он утверждал это право за церквами, при условии употребления доходов с

⁸⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 13.

⁹⁰ Отметим, что в своих сочинениях Максим Грек также говорил лишь об имеющих в русских богослужебных книгах ошибках и нигде не высказывал мысли о принципиальном их отрицании (Сочинения Максима Грека, т. I, стр. 23—26).

⁹¹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5—6.

⁹² В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 11—21; Н. А. К а з а к о в а. Обличение духовенства в русской литературе XVI в. — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. VII. М. — Л., 1964, стр. 99—102.

церковных имений на нужды благотворительности⁹³. Но если Максим Грек отрицание вотчинных прав ограничивал монастырями, то Вассиан Патрикеев распространял его и на мирские церкви, делая исключение лишь для соборных церквей⁹⁴. Думается поэтому, что обвинение Максима в «хуле» на церкви из-за владения ими селами возникло в результате приписывания ему взглядов Вассиана Патрикеева. Очевидно, обвинители руководствовались принципом, — «чем больше, тем лучше».

Е. Голубинский результатом распространения взглядов Вассиана Патрикеева на Максима Грека считает и обвинение последнего в отрицании святости новых русских чудотворцев⁹⁵. Нам кажется, что хотя в сочинениях Максима Грека нельзя найти и следа порицания им ни новых русских, ни каких-либо иных святых, тем не менее это обвинение не следует относить за счет тенденциозности судей. Еретики середины XVI в., в частности Феодосий Косой, ссылаясь на Максима Грека, называли «прельстившимися» тех, кто считал «преподобными» Кирилла, Пафнутия, Никона и прочих, стяжавших села; «По Максиму бо они (названные святые. — Н. К.) — чюжи спасения»⁹⁶. Думается, что эта традиция не случайна. Очевидно, Максиму Греку было свойственно отраженное либо в недошедших его произведениях, либо в устных высказываниях сомнение в святости части русских чудотворцев. Основанием для этого сомнения являлась так же, как и у Вассиана Патрикеева, их стяжательская деятельность: новые русские чудотворцы, о которых идет речь и в судном списке, и в высказываниях Феодосия Косого — это митрополиты и основатели монастырей XIV—XV вв., т. е. времени быстрого роста и развития монастырского землевладения и превращения русской церкви в крупнейшего феодала.

В судном списке в речи митрополита на соборе 1531 г. обвинение Максима Грека в критике вотчинных прав монастырей и стяжательской деятельности церкви сформулировано в настоящем времени («Да, ты же, Максим... церкви и монастыри укоряеши и хулиши...»), из чего следует, что это обвинение относилось ко времени собора 1531 г. Но согласно заключающей речь митрополита фразе о том, что из-за всех перечисленных «хул» Максим был предан суду и сослан в Иосифово-Волоколамский монастырь, получается, что обвинение в критике стяжательской деятельности церкви предъявлялось Максиму Греку уже на соборе 1525 г. Очевидно, это обвинение впервые обсуждалось на соборе 1525 г., а затем ввиду его важности было возобновлено на соборе 1531 г.⁹⁷

* * *

Анализ судного списка Максима Грека показывает чрезвычайную тенденциозность предъявленных ему обвинений.

Неточности в переводах Максима, связанные с недостаточным знанием языка, описки писцов, непроверенные слухи были использованы для обвинения его в ереси. Факт добрых личных отношений с Берсенем Беклемишевым, а также отдельные расхождения между взглядами Максима и политикой русского правительства послужили основанием для обвинения его в изменнических сношениях с Турцией и враждебности всей внешней и внутренней политике Русского государства. Даже обвинение в критике стяжательской деятельности церкви, обвинение, которое, казалось, не нуждалось ни в каких усиливающих средствах, ибо оно соответствовало

⁹³ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 175; В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 62.

⁹⁴ Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев..., стр. 81—86.

⁹⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 725.

⁹⁶ З и н о в и й О т е н с к и й. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 908.

⁹⁷ С. Н. Ч е р н о в. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 65—67.

действительности, было все-таки одобрено некоторой порцией тенденциозности — Максиму были приписаны отдельные воззрения Вассиана Патрикеева. И, наконец, к этому букету самых разнообразных обвинений организаторы процесса сочли нужным добавить еще одно совершенно фантастическое — обвинение в колдовстве и, в частности, против особы великого князя.

Мы полагаем, что все эти обвинения, в соответствии с данными судебного списка, были предъявлены Максиму Греку во время первого суда над ним в 1525 г. — таким путем вернее можно было добиться осуждения обвиняемого. Что отвечал Максим своим обвинителям, как он держался на суде — неизвестно: сохранившийся отрывок судебного списка сообщает лишь о самом начале процесса 1525 г. Думается, что Максим Грек не признал предъявленных ему обвинений в ереси и враждебности Русскому государству. Во всяком случае, во время шестилетнего пребывания в Иосифово-Волоколамском монастыре, куда он был сослан после собора 1525 г. «для покаяния и исправления», Максим, несмотря на крайне тяжелые условия заключения, не только «покаяния и исправления не показавше», но и «неповинна во сем себе глаголаше, и отреченная мудрствоваше, и послания писааша»⁹⁸. Очевидно, находясь в заключении, Максим Грек продолжал отстаивать свою невиновность как перед тюремщиками, так и перед внешним миром, с которым он имел возможность как-то сноситься («послания писааша»).

На соборе 1531 г. Максиму Греку были предъявлены новые обвинения религиозно-догматического характера и обвинение в колдовстве с целью «всезнания». Но в центре процесса стояли по-видимому, прежние «вины» Максима, уже разбиравшиеся собором 1525 г.; это следует из двух обстоятельств: 1) именно этим винам посвящена почти целиком обвинительная речь митрополита, 2) митрополит, закончив допрос Максима о его «ныне явившихся» винах, поручил Досифею передопрос о прежних «хулах» Максима, рассматривавшихся собором 1525 г.⁹⁹ Но, к сожалению, в судебном списке сохранилось только начало передопроса, касающееся религиозно-догматических пунктов. Поэтому, как протекало разбирательство политических вин Максима на соборе 1531 г., мы не знаем, так же как не знаем этого и о первом соборе. Не знаем и какова была реакция Максима Грека по отношению к вторично предъявленным ему обвинениям. Но один штрих из поведения Максима на соборе 1531 г. известен. В «Послании к митрополиту Даниилу», написанному уже после его низложения, Максим Грек с горечью писал, что его судили «аки хульника и священных писаний тлителя... неких малых ради описей», обнаруженных в его переводах, и что несмотря на то, что он трижды простирался ниц перед священным собором, прося прощения за описки, допущенные «по неведению», его заключили в оковы и отправили в заточение¹⁰⁰. Таким образом на соборе 1531 г. Максим Грек признал себя виновным в своей невольной вине — неточностях в переводах, вызванных недостаточным знанием русского языка. Этим, по-видимому, его раскаяние и ограничилось. Во всяком случае в «Исповедании православной веры» Максим, касаясь своего осуждения, подчеркивал невинность в ереси и враждебности России: «Понеже убо нецыи, не вем что ся им случися, еретика мене неповинна чело века называти не страшатся, и врага и изменника богохранимыя державы руския, яви ми ся нужно и праведно малыми о себе отвещати, и яже о себе научити оклеветающих мене неправедным сицевым оклеветанием, яко благодатию истиннаго бога нашего Иисуса Христа и правоверен христиа-

⁹⁸ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 4.

⁹⁹ Наши выводы о распределении обвинительных пунктов между соборами совпадают с выводами Н. С. Чернова, специально занимавшегося этим вопросом на основе текстологического анализа судебного списка (С. Н. Чернов, Указ. соч., стр. 57—71).

¹⁰⁰ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 369—370.

нин есмь по всему и богохранима державы русские доброхотен и прилежнейший богомолец»¹⁰¹.

Анализ обвинений Максима Грека, произведенный нами выше, показывает, что Максим Грек, отрицая свою виновность в измене России и ереси, был прав. Из всей массы предъявленных ему обвинений соответствовали действительности лишь два — обвинение в критике вотчинных прав церкви и обвинение в отрицательном отношении к независимости русской церкви от константинопольского патриарха.

Какая же из этих двух действительных «вин» Максима Грека вызвала такую ненависть к нему со стороны руководства господствующей церкви? Чему обязан был Максим Грек своим многолетним заключением, явившимся результатом двух соборных судов над ним?

Думается, что вряд ли отрицательное отношение Максима Грека к независимости русской церкви послужило основной причиной его осуждения. Вопрос о порядке поставления русских митрополитов к началу XVI в. был вопросом уже решенным: патриархат не только не протестовал против поставленья митрополитов на Москве, но и стремился поддерживать хорошие отношения с ними¹⁰². Такая позиция патриархата была обусловлена тяжелым положением греческой церкви: в конце XV — начале XVI в. турецкое правительство закрывало православные церкви, требовало от патриархата все увеличивающейся подати, и, чтобы собрать средства для уплаты ее, патриархи вынуждены были отправлять своих представителей не только по всей Греции, но и в соседние страны¹⁰³. И в Москву, начиная с первой четверти XVI в., чуть ли не ежегодно тянулись «за милостыней» греческие старцы — от афонских монастырей и от самого патриарха¹⁰⁴. Правительство Василия III охотно удовлетворяло просьбы представителей греческих духовных властей: обильная «милостыня» являлась для него средством распространения своего влияния на греческую церковь¹⁰⁵. Совершенно ясно, что в этих условиях не было никаких реальных оснований для восстановления власти патриархата над русской церковью. Поэтому высказывания Максима против поставления русских митрополитов на Москве хотя и шли вразрез с интересами русской церкви, но никакой реальной опасности для нее не представляли.

Иначе обстояло дело со второй «виной» Максима — критикой им вотчинных прав монастырей и стяжательской деятельности церкви. Вопрос о судьбе церковных земель и вотчинных прав церкви в 20-х годах XVI в. отнюдь не был уже решенным вопросом далекого прошлого. Митрополит Даниил и другие иосифлянские лидеры, судившие Максима Грека, хорошо помнили то время, когда великий князь Иван III на соборе 1503 г. собирался провести решение о том, чтобы «у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити»¹⁰⁶. Сын Ивана III, Василий III, хотя и не ставил вопроса о секуляризации церковных земель, но проводил вплоть до 20-х годов политику ограничения вотчин-

¹⁰¹ Там же, т. I, стр. 19—20.

¹⁰² См., например, «Послание патриарха Феопимы митрополиту Варлааму» (АИ, т. I, № 121, стр. 175).

¹⁰³ N. J o r g a. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. III. Gotha, 1910, стр. 196—204.

¹⁰⁴ ЦГАДА, «Греческие дела», ф. 52, кн. I, лл. 1—30; Известия о приходе греческих старцев за милостыней встречаются и в летописях.

¹⁰⁵ Н. Ф. Каптерев, исследуя сношения России с православным Востоком в XVI—XVII вв. и рассматривая, в частности, на основе большого документального материала вопрос о «милостыне», приходит к выводу, что «милостыня» являлась средством подчинения восточно-православных церквей русскому влиянию (Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев посад, 1914, стр. 105—146, 276—348).

¹⁰⁶ Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. — ТОДРЛ, т. XX. М. — Л., 1964, стр. 351.

ных прав монастырей. И хотя, в связи с обострением внешне- и внутриполитической обстановки, великокняжеское правительство в 20-е годы временно отказалось от наступления на вотчинные права церкви¹⁰⁷, но идейные вдохновители этого наступления продолжали оставаться опасными. Нападки Максима Грека на вотчинные права и стяжательскую деятельность церкви таили в себе и еще одну опасность для нее: срывая с духовенства маску показного благочестия и обнажая его подлинную эксплуататорскую сущность, они зажигали в обществе искры сомнения и критицизма по отношению к господствующей церкви. Эти искры нужно было потушить в самом начале. Все эти обстоятельства и заставляют думать, что основной причиной осуждения Максима Грека являлось обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства. Порицание же независимости русской церкви от константинопольского патриарха сыграло гораздо меньшую роль.

В 1525 г., когда иосифлянское руководство русской церковью сочло возможным начать решительную борьбу с нестяжателями, позиции их не были еще до конца сломленными. Хотя митрополита Варлаама, сочувствовавшего нестяжателям, сменил на посту главы русской церкви лидер иосифлян Даниил, хотя Василий III приостановил проведение ограничительных мероприятий в отношении иммунитетных прав монастырей, тем не менее он продолжал сохранять связи с нестяжателями: большим влиянием на великого князя по-прежнему пользовался Вассиан Патрикеев¹⁰⁸. В этих условиях действительных «вин» Максима Грека было, очевидно, недостаточно, чтобы посадить его на скамью подсудимых. И организаторы процесса с помощью лжи и клеветы подготовили весь тот ассортимент разнообразных обвинений, который был предъявлен Максиму: ересь, государственная измена, «волхование» против особы великого князя и т. д. Вторичный суд над Максимом Греком был вызван, с одной стороны, его упорным отрицанием своей виновности, сведения о чем, конечно, просачивались сквозь стены Волоколамского монастыря, а с другой — стремлением как можно сильнее очернить Вассиана Патрикеева. К 1531 г. положение Вассиана — «великого временного человека у великого князя ближнего» окончательно пошатнулось. Иосифлянам удалось получить от Василия III согласие на предание его суду¹⁰⁹. Одновременный вторичный процесс Максима Грека, вскрывающий связи между ним и Вассианом Патрикеевым, должен был убедить общественное мнение и великого князя в правомерности осуждения Вассиана.

Максим Грек, так же как и Вассиан Патрикеев, был осужден за критику вотчинных прав монастырей, за обличение пороков господствующей феодальной церкви.

¹⁰⁷ Н. А. К а з а к о в а. Указ. соч., стр. 53—56, 64—65, 74.

¹⁰⁸ Там же, стр. 71—72.

¹⁰⁹ О суде над Вассианом Патрикеевым см.: там же, стр. 75—77.